

Михаил ТУРБИН

Анатолию Загороднему

Люблю вдоль речки, выше устья,
Бродить, оставив суетливый быт.
Былых времён родное захоlustье,
Почти исчезнув, душу бередит.

Резьба на окнах — чудо-завитушки.
Хранят дома особенный уют.
Здесь столько кошек развели старушки —
Так и смотри, под Орлик сволокут.

А под ногами всюду кучи хлама,
В тени заборов пухнет зелень мха.
Отсюда ясно виден купол храма
И рядом слышен голос петуха.

Встречаются амбары с чёрными щелями —
Потрескались от времени дубовые венцы.
В тенистом дворике с огромными штанами
Висят и сушатся дырявые “штанцы”.

И чудится (совсем не фалды фрака),
Как Баргамот Гараську тащит в часть...
И обрывает вдруг видения собака,
В узорчатый забор просовывая пасть.

Глаза поднимешь: близко у реки
Бегут дворцы тропе наперерез —
Весь берег вздыбили особняки.
Дух старого Орла явился и исчез.

НА РАВНИНЕ ВЗМОРЬЕ

Снегом осветила ранний час зима —
Ночью выла вьюга — изгонялась тьма.

Нет её в помине. От избытка сил
Сам себя метелью мир преобразил.

Он, как первозданный, чище быть нельзя!
От домов не тянется ни одна стезя.

Рад я снова слышать посреди снегов
В глубине оврага нежный звон щелгов.

Видеть, как выходит дым змейй из труб.
Наготове валенки, шапка и тулуп.

На равнине взморье, не сугроб — волна!
Трудно без мороза русским быть сполна.